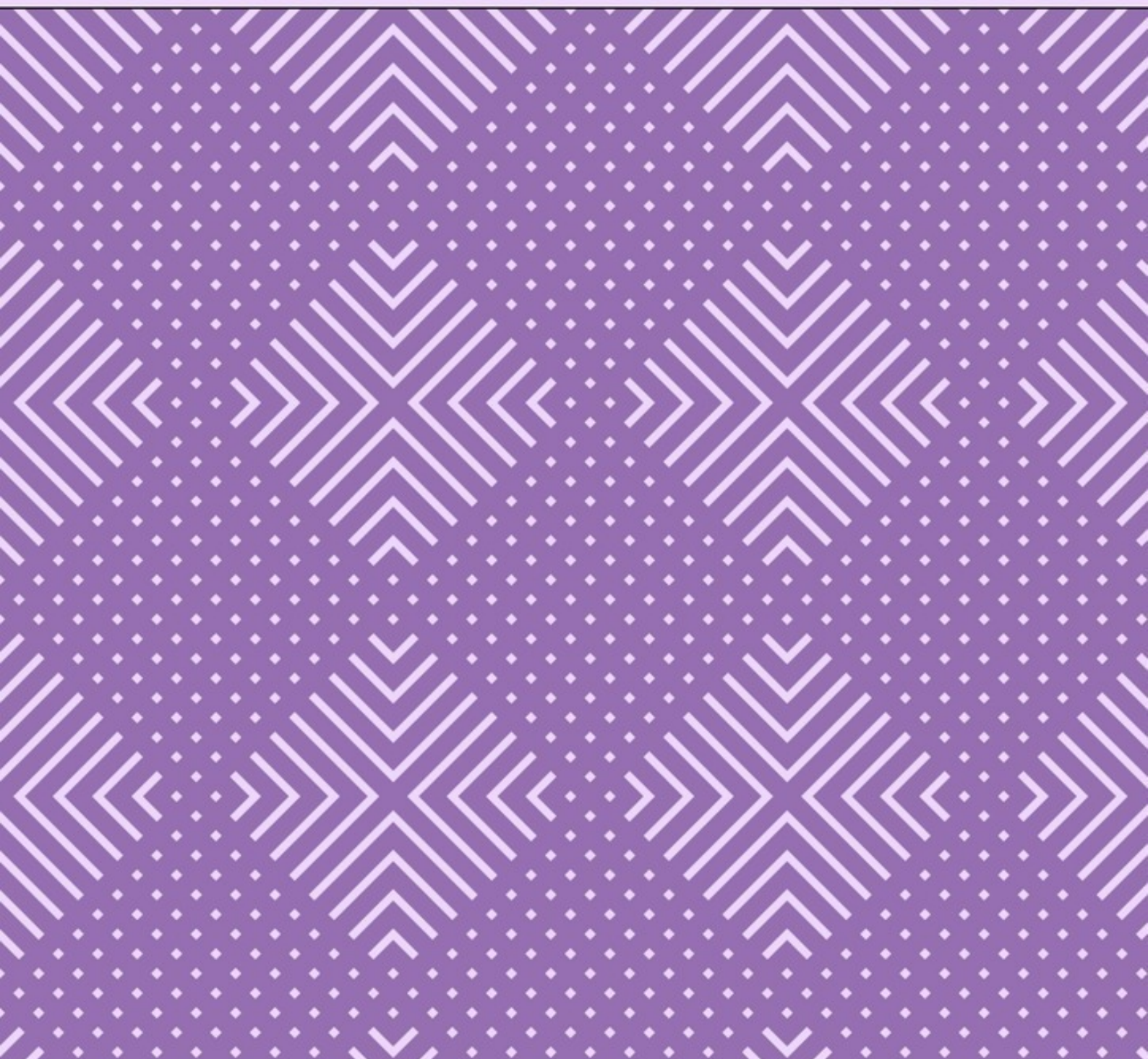

Людмила Козлова

НЕ ГОРЮЙ!

Людмила Козлова

Не горюй!

«Издательские решения»

Козлова Л. М.

Не горюй! / Л. М. Козлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903951-4

В шестой том «ИЗБРАННОГО» Людмилы Козловой вошли стихи 80-90-ых и 2000—2004 г. Сообщаю, что я — патриот и оптимист, и поэтому стараюсь говорить правду о времени и о себе.

ISBN 978-5-44-903951-4

© Козлова Л. М.
© Издательские решения

Содержание

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА	8
БЕССОННОЙ НОЧЬЮ	9
КУКУШКА	10
ЛЕС	11
РИСУНОК	12
ВСПЫХНУЛ ВЕЧЕР	13
КЛАДБИЩЕ	14
ТРИ КРЕСТА	15
22 ИЮНЯ	16
ИЮНЬСКИЕ СБОРЫ	17
ГОРЯТ ЛЕСА	18
РИСУНКИ НАДИ РУШЕВОЙ	19
ЖЕНЩИНА	20
ЗИМА	21
ДРУЗЬЯМ	22
СЧАСТЬЕ	23
ВЕСНОЙ	24
СЫНУ	25
ХОЛОДА ИДУТ	26
ДЕКАБРЬ	27
НОВЫЙ ГОД	28
УШЛА	29
АПРЕЛЬ	30
ТУМАНАМИ ВЕЧЕР ОПУТАН	31
ДИКАЯ МАЛЬВА	32
БРЫЗГИ СОЛНЦА	33
СМИРИСЬ	34
СУДЬБА	35
ЗАТУХАЕТ СВЕЧА	36
В КОМАНДИРОВКЕ	37
Я ПОМНЮ	38
ВЕСНЫ ЛЕТУЧЕЕ ДЫХАНЬЕ	39
ВСТРЕЧА	40
ПОСЁЛОК САМУСЬ	41
ТЕМНА Ж ТЫ, НОЧЬ!	42
ПО ТРОПЕ ЛЕСНОЙ	43
ДОЖДИК СУЕТИТСЯ ЗА ОКНОМ	44
ПРЕСВЕТЛЫЙ ДЕНЬ	45
А В РАСТРЕВОЖЕННОМ ЛЕСУ	46
НОКТЮРН	47
ОСЕННИЙ ВЕТЕР	48
В ПОЛЯХ	49
ПУСТЬ Я НЕРАЗУМНАЯ	50
НЛО	51
НА КРУТОМ СОСНОВОМ СКЛОНЕ	52
ВЫПЛАКАТЬСЯ	53

ЦВЕТНОЙ ЛИСТОПАД	54
ЛЕТАЮ	55
НАД МИРОМ АНГЕЛ ПРОЛЕТЕЛ	56
СЕРЕБРЯНАЯ ЧАЙКА	57
НЕНАСТНОЙ НОЧЬЮ	58
УПАЛИ СУМЕРКИ	59
ТАК ДАЛЕКО	60
ЗАБУДЬ	61
ПРИПОЖАЛОВАЛА ОСЕНЬ	62
ФИАЛКА	63
ПЕСНЯ ЗОМБИ	64
В ПОЛНОЧЬ	65
В СИЯЮЩЕЙ БЕЗДНЕ	66
НАДОЕЛО!	67
ЧТО Ж ВЫ, АНГЕЛЫ	68
НЕ УСПЕЛА!	69
КРОШКА-ГНОМ	70
ДУША ЖИВАЯ	71
ФАНТОМ	72
ЗА ПОДСНЕЖНИКАМИ	73
ПОЯС АСТЕРОИДОВ	74
И ДЕНЬ ПРИШЁЛ	75
ВСЁ БЛИЖЕ	76
ВЫЙДУ В ПОЛЕ	77
ТЫ	78
ВСТРЕЧА	79
БОГИ	80
ДОМОВОЙ	81
АХ, ЛЕТО, ЛЕТО	82
Я НЕ УМРУ	83
БЕЛАЯ ПТИЦА	84
ОДИНОЧЕСТВО	85
ЖЁЛТОЙ НОЧЬЮ	86
УТРОМ	87
Я ВСЁ МОГЛА	88
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ	89
ДВЕ ЗАБЫТЫХ МЫСЛИ	90
НА ЛЕСТНИЦЕ	91
ПОХОЛОДАЛО	92
Геннадию Панову	93
Маме	94
ИГРАЙТЕ, КАК ДЕТИ	95
ТАМ	96
В БЕЛОМ ГИПНОЗЕ	97
В КОСТРЕ ОСЕННЕГО РАЗЛАДА	98
ТАКАЯ ТИШЬ	99
Сыну Славе	100
СТРАННИК ПРОШЁЛ	101
СЕРЕДИНА ВОСКРЕСЕНЬЯ	102

ТЕМНЕЕТ	103
В НОЧНОМ ЛЕСУ	104
КОРОМЫСЛО ВРЕМЕНИ	105
НОЧЬ ИДЁТ	106
ЧЕРЁМУХА	107
МНЕ ЗАПРЕЩАЛИ	108
В ОСЕННЕМ ПОЛЕ	109
БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ	110
ПТИЦА ФЕНИКС	111
ПИНЧЕР-КРЫСОЛОВ	112
БУДЕТ ДЕНЬ	113
СОН	114
ЧИСЛО ПИ	115
МАНТРА	116
ПРИТЧА О ДЕСЯТИ ДЕВАХ	117
БЛЮЗ	118
О, МОДУС ВИВЕНДИ!	119
ПОСЛЕДНИЙ ВИАДУК	120
БУМЕРАНГ	121
ОТ БОГА	122
ЕЩЁ НЕ СЛЫШИТСЯ В РАССВЕТЕ	123
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ	124
АПРЕЛЬ. ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА	125
СИЛА ЖИЗНИ	126
ДА БУДЕТ МНЕ ПО ВЕРЕ	127
ДРЕВО УДАЧИ	128
ТОЧКА НА КАРНИЗЕ	129
В ЧАС НЕЧАЛИ ГРЯДУЩЕЙ	130
МОЛИТВА О ЖИЗНИ ПОСЛЕ ЖИЗНИ	131
АДАМОВЫ ГОРОДА	132
Я – ЛЕТУЧЕЕ ЖИВОТНОЕ	133
ЗАКАТ НА КРОВИ	134
ПРИВЫЧКИ	135
ПЕРЕД ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ	136
Моему отцу посвящается	137
ВОТ Я БЫЛА	138
КРУГОМ НИ ЗГИ	139
В МЕТЕЛИ	140
УТЁС «ТАТАРИН»	141
ЗАВИРУХА	142
ДЫХАНЬЕМ ГОРОДОВ ОТРАВЛЕННЫ	143
БЫЛ ЗНАК	144
МАЙСКИЙ СНЕГ	145
Брату Александру	146
МАЛЬЧИК-ВЕТЕР	147
У КОСТРА ЗОЛОТОГО	148
ВРЕМЯ МЫСЛИ СОБИРАТЬ	149
ТОЛЬКО МЫСЛЬ	150
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Не горюй!

Людмила Максимовна Козлова

Редактор Н. М. Николаев

© Людмила Максимовна Козлова, 2018

ISBN 978-5-4490-3951-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сообщаю, что я – патриот и оптимист, и поэтому (именно поэтому!) стараюсь быть объективной и говорить правду о времени и о себе. В поэзии это абсолютно необходимо!

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Нет особенного счастья,
Но оглянешься назад —
И твоею доброй властью
Видишь яблоневый сад.

Видишь узкую тропинку,
Уходящую в лесок,
Утра алую росинку,
Солнца красного кусок.

Видишь милое окошко,
Кособокое крыльцо,
Счастья полное лукошко,
Детства ясное лицо.

БЕССОННОЙ НОЧЬЮ

Бессонной ночью гаснут сны,
Дорогу Млечную смывая,
Седое зарево луны
Опять за соснами всплывает.

Поля ночные, лай собак
И дым из труб в хрустальном небе,
Снегов сверкающая небыль,
Большой Медведицы черпак.

Земным дыханием наполняясь,
Прольётся в космос тишина.
В его безжизненные волны
Вплетётся тёплая волна.

КУКУШКА

Расплывалось солнце, разливалось,
И кукушка где-то куковала.
Тосковала, жалобно считала,
Сколько жить на свете мне осталось.
И летело эхо, и металось,
С тишиной лесной перекликалось.

Век назад здесь так же заходило
Алое светило. И была
Чья-то дума песенно-светла...
Только неба синь
Не бороздила
Лайнера блестящая стрела.

ЛЕС

Мерцает изморозью тонкой
В снега закутавшийся лес.
И месяц новенький и ломкий,
Поднялся в сумраке небес.

Тропинка заячья темнеет.
Ныряя в сосны за сугроб.
И, перекрещиваясь с нею.
Бежит узор мышинных троп.

Замшелый пень берёзы древней —
В блестящей шапке старичок —
Не спит, а так – вполглаза дремлет
И видит всё лесовичок.

РИСУНОК

Там, в вышине, над закатом
Странен рисунок небес:
Заревом алым объятый
Вырос невиданный лес.

Вот в тишине невесомой
Гаснут и вянут цветы,
И проступают знакомо
Чёрного взрыва черты.

Даже летучим туманом,
Облаком в синем плену,
Каждым кустом и поляной
Помнит Россия войну.

ВСПЫХНУЛ ВЕЧЕР

Вспыхнул вечер и сгорел.
И остался только пепел.

День прожив на белом свете,
Ничего ты не заметил,
Не узнал.
Не смог,
не смел.

Вот и этот синий вечер
Вспыхнул ало
И сгорел.

КЛАДБИЩЕ

Ели и кедры.
Ветры и ливни
Смыли холмы могил.
Пахнет смолою,
Веет покоем
Тихо
От тех, кто был.

ТРИ КРЕСТА

В овсяном поле три креста
Прямы и высоки.
Как будто час уже настал —
Обходят мужики
Свои посевы по межам,
Назавтра поутру
Им снова в поле выезжать,
В полдневную жару
Найти оконце родника
И, словно бы во сне,
Напиться, тронув облака,
Блеснувшие на дне.
В широком поле три души
Задумались о том,
Как скоро времечко бежит
Под августом-мостом.
Грустят от дома вдалеке,
что солнышко зашло
К дороге б выйти налегке
И двинуться в село.

В овсяном поле три креста
Прямы и высоки —
В родной земле,
В родных местах
Заснули мужики.

22 ИЮНЯ

Тополиный пух
Невесом.
Весь зелёный луг
Занесён.
До утра звенел
Чей-то смех.
Женский голос пел:
«Снова снег...»
И летел июнь
Под откос.
Сорок тысяч лун
Пронеслось.
Но июню вновь
Не срастись.
Слева – смерть и кровь.
Справа – жизнь.
Пулей лист пробит
Над тобой.
Снова бой кипит,
Первый бой.

ИЮНЬСКИЕ СБОРЫ

Как в Сахаре, жара.
Обжигающим зноем
Ветер с юга.
Пора
Распрощаться с покоем.

Слышишь? Рельсы гудят.
Слышишь? Трубы запели.
Поцелую тебя
В тополиной метели.

И пронзительно-нервно
В сердце вклинится боль —
Как бы там,
В сорок первом,
Я простилась с тобой?

ГОРЯТ ЛЕСА

Горят леса за Ангарой.
В неверном отблеске пожара
Тревожным кажется и старым
Луны взошедшей серебро.

И тени мечутся, как пламя.
За много вёрст горят леса,
Но слышно ясно, как слезами
Зайчонок серый залился.

РИСУНКИ НАДИ РУШЕВОЙ

Будет жить
Эта песнь отныне,
Будет звать
И дразнить родством
С древним танцем
Наскальных линий
И языческим колдовством.
Оживают и свет,
И тени.
Голоса,
Серебристый взгляд —
Словно грифель
Рассёк мгновенье
Двести лет
Или час назад.

ЖЕНЩИНА

Женщина трясёт половичок.
Руки, не привыкшие к безделью,
Узкое озябшее плечо...
Видно ли кого-то за метелью?

Не на шутку к ночи разошлась
Снежная неласковая вьюга.
И недобрый чей-то чёрный глаз
Присушил единственного друга.

Где он бродит,
Помнит ли о том,
Что всегда с надеждою тревожной
Ждёт его притихший старый дом,
Из-под крыши глядя осторожно.

И опять, откинувши крючок,
В сотый раз выхолит в платье тонком
И трясёт цветной половичок
Не жена, не мать и не девчонка.

ЗИМА

Морозный скрип —
Как крик.
Не жди – седой старик
Плетётся по дороге.
Пришла зима, ушли дожди.
Не жди.
И тонкий иней на окне
Не трогай.

ДРУЗЬЯМ

Сколько лет? Сколько зим?
Сколько вёсен?
Друг у друга при встрече мы спросим,
Притворяясь, что вовсе не осень
Нам на лица накинута тень.
Только ночь проведя в разговорах,
Утра тихий почувствовав шорох,
Мы узнаем друг друга и дорог
Будет каждый истраченный день.

А потом в одиночестве снова
Взглядом прежним – и всё-таки новым —
В глубину загляну голубого
Одно из зеркал у окна
И скажу ему ясно и звонко:
– Разве ты меня помнишь девчонкой?
Разве я тебе верить должна?

СЧАСТЬЕ

Июльского леса молчанье
В объятьях закатной поры,
И грома глухое ворчанье
И шорох сосновой коры,
И маленький мальчик,
С обрыва
Как будто летящий в простор...
Всё это душа торопливо
Вбирает,
А звёздный шатёр
Уже проступает неясно.
И вдруг понимаешь, как боль, —
Пронзительно-сладостно счастье
Сейчас пронеслось над тобой.

ВЕСНОЙ

Сегодня солнце опускалось
Так долго, будто на века
С землёй оттаявшей прощалось.
Порой, скрываясь в облака,
В просветы странно и багрово
Оно смотрело на поля.
И незнакомою и новой
Казалась юная Земля.
Казалось, словно на Венере,
Такой же раннею весной
В далёкой той, грядущей эре,
К деревне едем мы родной.

СЫНУ

Завернулась осень в листья,
Зашуршала по садам.
У неё походка лисья.
Шепчет лето: «Не отдам!
Не отдам ни дня, ни часа!»
Но куда там! Поутру
Серый дождик постучался
И пришёлся ко двору.
Появился тёмной ночью
Холод – северный ходок.

Не болей ты, мой сыночек!
Не болей ты, мой дружок!
Заживём с тобой счастливо —
Ты да я. Настанет срок —
Днём весенним торопливо
Переступим мы порог.
Мир зелёный нараспашку
Примет нас, детей своих.
В травах розовую кашку
Мы отыщем на двоих.

ХОЛОДА ИДУТ

Из-под крыши хлопья летят —
Тормошит синица пеньку.
Холода идут – пустяку,
Всякой ниточке будешь рад.

Вечереет. Снег затвердел.
Стал закат виднее во мгле.
На притихшей белой земле
Снова час во тьму отлетел.

А с рассветом нам принесут
Ветры северной выюги свист.
Будет царствовать снежный суд.
Будет властвовать снежный кнут.

ДЕКАБРЬ

Декабрь с утра дождями льёт,
Бредёт вслепую по туману,
Как будто уж не по карману
Снегов задумчивых полёт.
Поля тоскующее черны,
И скользкий глянец гололёда
Сулит невольница – погода,
Рабыня солнца и луны.

И слышно: где-то на подъёме,
По льду колёсами скользя,
Машина плачется о доме,
Но повернуть уже нельзя.

НОВЫЙ ГОД

На плите раскалённой
Сидит домовой
И калёные семечки щёлкает.
Дед Мороз за стеной
Потихоньку сопит
И войти не решается с ёлкой.
А зачем она мне?
Ни друзей, ни огня.
Взгромоздилась тоска на приступок.
Киснет тень на стене.
Писк мышей и возня —
Доедают рукав от тулупа.

УШЛА

Безнадёжно, непоправимо,
Миг единый побыв,
И вновь,
Словно тёплая нить Гольфстрима,
Ты ушла от меня,
Любовь.

АПРЕЛЬ

Гудят шумливые дороги,
Летят весенние ветра.
Апрелю жить уже немного,
Вот-вот пройдёт его пора.
Хлеба, пробившись через зиму,
Весёлой зеленью горят.
Скользя легко, неумимо,
Два чёрных коршуна парят
В глуби небесного колодца.
И, поднимаясь от земли,
С пригорков дремлющих вдали,
Горячий воздух в небо льётся.

ТУМАНАМИ ВЕЧЕР ОПУТАН

Туманами вечер опутан,
Звенит колокольчика медь.
Ах, если бы эта минута
Могла навсегда замереть!

Домой возвращается стадо,
И пахнет сырая трава,
М плакать от боли не надо,
От дум не болит голова.

И хочется, хочется верить-
Душа не изведает зла.
И всюду откроются двери
Для счастья, любви и тепла.

ДИКАЯ МАЛЬВА

Дикая мальва
раскрасила склон.
Зноем исходит
седой небосклон.
Влажную негу
песчаной косы
Черпает небо.
Земные весы
Еле заметно
клонятся туда,
Где листопадом
помчатся года,
Где и любимый
привычен во всём,
Где сединою висок занесён.

БРЫЗГИ СОЛНЦА

В тихих канавах ожил
Жёлтыми брызгами солнца
Цвет мать-и-мачехи. Жизнь
Словно бы вновь создаётся.
Снова с начала начал,
Снова с зародыша – точки,
Ливнями бредившей почки.
Быстро, легко. Сгоряча
Всё оживает, а ночью
Юной черёмухи чад
Снова прорваться захочет
В окна, не зная преград.

СМИРИСЬ

Смирись – поверь,
Что ты – никто!
В той вере – сладкий яд:
Ни спроса нет,
Ведь ты – никто,
Ни горя, ни наград.
И только
Слабенький укол
Тревожит до тоски:
Сегодня
Старый друг прошёл
И не подал
Руки!

СУДЬБА

Светло и чисто верить мне
В любви незрячую отвагу,
Как народившейся сосне
Расти, не думая про влагу.

Сто раз разбиться о любовь —
Больнее нет, наверно. Боли!
Но против разума и воли
Мне к ней тянуться вновь и вновь!

В усталых сумерках ненастных
С любимым встретиться опять.
И счастье это иль несчастье
Не знать. Не думать, не гадать.

ЗАГУХАЕТ СВЕЧА

Затухает свеча
Отгоревшего дня.
Ты ответь, отвечай,
Что полюбишь меня.
Что ни смерть, и ни жизнь
Не уменьшат тоски.
Ты мне это скажи
У замёрзшей реки.
Ты солги. Обещай,
Что отыщешь, придёшь.
И прощай! И прощай!
И спасибо за ложь!

В КОМАНДИРОВКЕ

Посылайте меня,
Засылайте
В тараканьи,
Медвежьи углы,
Где утрами
Лохматые лайки
В подворотнях охриплы и злы.
И в больших городах
Мне не страшно,
И гостиничный кодекс
Неплох.
Пусть шумит
Мой сосед бесшабашный
С подбородком, похожим на мох.

Я везде доживу
без обиды
До счастливого света в окне,
Когда родины
Милые виды,
Приближаясь,
откроются мне.

Я ПОМНЮ

Мы – витающий вечно
Дух прекрасной земли!
Мы – цветущая греча,
Подорожник в пыли.
И я помню – когда-то,
Сто столетий назад,
Я цветущею мятой
Украшала твой сад.
И я так же любила
Зорь калиновый цвет,
И тебя излечила
От болезней и бед

ВЕСНЫ ЛЕТУЧЕЕ ДЫХАНЬЕ

Весны летучее дыханье,
Гряда не зимних облаков,
В горах подтаявших снегов
Жемчужно-серое сиянье.

А ночью с чёрных скал прыжком
Река рванулась, как проснулась.
Земля продрогшая прогнулась
Под человеческим каблуком.
А между тем была зима,
И год сменялся Новым годом —
Взбесилась матушка-природа,
Взялась за грешников сама.
За то, что лезли напролом,
На белом свете появилась
Природы буйная немилость —
Людей наказывать теплом.

ВСТРЕЧА

На щеке твой навазелиненной
Отразилась рыжая серьга.
Смотришь ты значительно и длинно.
«Вспоминаю, – морщишься – ага!
Как же, как же – в школе,
Помню, помню.
Скажешь тоже! Оля... Вот уж смех!
Ольга Николавна, милый Коля!
Ну, давай, за встречу, за успех!
Я? В буфете местном продавщицей.
Ну, какие песни? Я? Певицей?
Я и петь-то вовсе не умела,
Я и петь-то сроду не могла.
Ну, какую робкой и несмелой?
Я всё время бойкою была.

ПОСЁЛОК САМУСЬ

Ты махни еловой веткой —
Я откликнусь, отзовусь,
И с зелёным, тёплым ветром
Прилечу к тебе, Самусь.
Как домам твоим привольно
В хвойной заводи тайги!
Ты умело и небожно
Сил набраться помоги.
Здесь тропинка затерялась,
Убегающая вновь
На заимку, где осталась
моя первая любовь.
Там по-прежнему негромко
Над черёмухой жужжат
Пчёлы. Горкою в сторонке
Брёвна жёлтые лежат.
Там запрятан в тёмной чаще
От завистливой беды
Глубочайший настоящий
Родничок живой воды

ТЕМНА Ж ТЫ, НОЧЬ!

Темна ж ты, ночь!
Но вот не страшно.
Опять негромко в тишине
О дне погаснувшем вчерашнем
Журчит сверчок. И слышно мне,
Как он настраивает струны,
Считая тонкие лады.
И два окна в сиянье лунном —
Два родника живой воды.
Ну, что же ты замолк — не слышно?
Пропой ещё хоть пять минут.
Под неудобной этой крышей
Всё больше плачут. Не поют.
Всё громче тягостные споры,
И всё отчаяннее злость,
Как будто едим наговором
Всё проколдовано насквозь.
Пропой, сверчок, ещё немного!
Лишь песня кончится твоя —
В четыре стороны дороги
Уйдут от этого жилья.

ПО ТРОПЕ ЛЕСНОЙ

По тропе лесной заиндевелой
Еле-еле движется паук.
Этот ткач и хитрый. И умелый
Отморозил восемь ног и рук.

Мыши и холёные кроты
Спрятались по гнёздам и по норам.
Холода спустились с высоты.
И зацвёл иньяк по косогорам.

Иньяк – ромашка сиреневого цвета – цветёт осенью

ДОЖДИК СУЕТИТСЯ ЗА ОКНОМ

Дождик суетится за окном,
Трогая забрызганные стёкла.
Улица, окованная сном,
Дрогнула, расслабилась, размокла.

И дома, дремавшие в тиши,
Разными тонами зазвучали.
Вон ручей родившийся бежит,
Как река великая в начале.

И несётся, струями звеня,
И кричит, обтачивая камень,
Ветрами обмытый и веками:
«Попляши, лежащий, у меня!»

ПРЕСВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Пресветлый день,
Ворота отвори!
Прикрой зари
Несмелое сиянье,
Войди в моё
Усталое сознание,
Но ничего пока не говори!
Купаюсь я
В прохладе и тиши,
В лучах светила
Молча утопаю.
Пресветлый день,
На Землю поспеши —
Я лучшего мгновения
не знаю!

А В РАСТРЕВОЖЕННОМ ЛЕСУ

А в растревоженном лесу
взошла трава, запахла сосны.
Луч света замер навесу.
Давно заброшенные красны
напомнил старый бурелом.

Зима ткала шелка на нём,
вокруг подолгу хлопотала,
и, наконец, совсем устала.

Теперь, Свет —бабочка Ярило,
танцуй в лесу под птичий звон,
где сон-трава, забыв про сон,
цветёт с языческой силой
и пахнет так, как пахнут вёсны,
апрель, река и облака!

Летают новенькие осы,
лопочет ветер безголосо,
и в кронах шепчутся века

НОКТИУРН

Весёлых дней
весёлая пора!
Куда летишь светло и беспечно?
Легко забыв далёкое «вчера»,
не зная ни заботы, ни отчаянья?

Весёлых дней
весёлая звезда!
Любовь мою уносишь за собою!
Быть может, я совсем её не стою,
но всё ж, зачем лишаешь навсегда
огня, в Душе горевшего пожаром?

Мне в доме облупившемся и старом
не обещают радости года.

Лишь темнота за окнами немыми.
А с неба льётся хмурая вода —
дожди, дожди
и холода за ними.

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Осенний ветер – листоде́р
заша́стал по лесам.
Горит на па́хоте костёр,
как будто вспыхнул сам.

И красный вихрь листвы и трав
несётся по земле.
сегодня он беспечно прав,
и мудр, и глуп, и слеп.

И лишь пронзительно звонка
от вечера к утру
струна седого холодка
на красочном пиру.

В ПОЛЯХ

В полях,
где бродит Дух Осенний,
спокойно, ясно и светло.
Там спят сиреневые тени
и привидения растений,
и так не верится во Зло.

Блестит овсяная солома
и пахнет вечностью земной.
Не надо нам иного дома
и прежних жизней за спиной.

Прошла Любовь и Сожаленья,
угасли дальние края.

Но словно Знак и Дар Спасенья
есть путь по золоту жнивья.

ПУСТЬ Я НЕРАЗУМНАЯ

Пусть я неразумная – всё же
хочу быть на ветер похожей —
свободной, поющей, летящей!

Я жизни хочу настоящей,
где ветер горячий и жгучий,
терзает округу и мучит,
где сосны срываются с кручи
на груды тяжёлых камней,
на скалы,
на острые скалы,
где зла и отчаянья мало,
где ветер свистит в поддувало
июльских расплавленных дней.

НЛЮ

Далеко, возле самого леса,
в предвечерних зыбучих снегах
колесница космических бесов
пронеслась на вселенских бегах.

Занялось, засияло полнеба,
помахали оттуда рукой.
Свет померк,
словно вовсе и не был,
только кто-то мелькнул за рекой.

Только след затерялся в сугробах,
тонкий след, уходящий в закат —
леденящее чувство озноба,
словно ты навсегда виноват.

Виноват, что состарился скоро,
что сегодня не веришь глазам,
что не знаешь и в лучшую пору.
что такое ты сам.

НА КРУТОМ СОСНОВОМ СКЛОНЕ

На крутом сосновом склоне
Горного хребта
В темноте дрожит и тонет
Страница звезда.

Кто-то жжёт свои раздумья,
Полночь запыля.
Для него сосновым шумом
Стала вся земля.
За колышущимся светом
Мир гудит во тьме.
Нет покоя —
Только ветер
Бьётся.
Как в тюрьме.

На крутом сосновом склоне
Горного хребта
В темноте дрожит и тонет,
Но горит звезда.

ВЫПЛАКАТЬСЯ

Выплакаться —
было бы полегче,
вылить своё горюшко впотьмах.
Вот ушёл неслышно тихий вечер,
словно древний дедушка в пимах.

За окном не зимняя пороша —
неостывших листьев жёлтый шум.
Что к утру мне Осень наворожит?
Ни о чём её не спрошу.

Всё я знаю – глухо и угрюмо
будет роща голая гудеть.
Мне одной с невысказанной думой
у окна холодного сидеть.

Было так задумано Всевышним.
Что ж, не пожелаешь и врагу.
Быть всегда на этом свете лишней
всё ещё привыкнуть не могу.

ЦВЕТНОЙ ЛИСТОПАД

В лесу,
в окружении сосен,
в берёзовом злате листвы
весёлая ясная осень.
И мне не сносить головы —
зашепчет, закружит,
завьюжит,
засыплет цветной листопад.
И небо бездонное в лужах —
пространство,
ведущее в Ад,
зовёт и манит оступиться
и падать сквозь лиственный дым
туда, где знакомые лица,
успевшие с нами проститься,
кивают с распятий
живым.

ЛЕТАЮ

Внутри микроскопической
дождевки
летаю я
и странствую по свету.

И слава Богу
или просто ветру,
что негде
будет справить мне
поминки.

НАД МИРОМ АНГЕЛ ПРОЛЕТЕЛ

За серой вязью снегопада
на том, пустынном берегу,
тальник – для глаз моих отрада,
и кроме ничего не надо —
река, тальник и день в снегу.

Сыпучий снег, его мельканье
сродни обману ворожбы.
Вот так стоять, смотреть веками
и ждать прозрения Судьбы.

И за единое мгновенье
понять предписанный удел,
заметив, как прозрачной тенью
над миром Ангел пролетел.

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАЙКА

Серебряная чайка,
свинцовая вода.
Подснежники у края
оплавленного льда.

И ветрено, и ясно,
но ускользает нить —
что жизнь, она напрасна?

А, может быть, прекрасна,
и всё же стоит жить?

НЕНАСТНОЙ НОЧЬЮ

Ненастной ночью сладко спится,
но в тайной гулкой темноте
вдруг закричит ночная птица,
и чуть плавник зашевелится
в цветном русалочьем хвосте.

Ломая лёд, воды лавина
проснётся где-то вдалеке.
Под утро сахарные льдины,
с водой бунтующей едины,
летят по бешеной реке.

И всё захвачено надолго —
от сумасшествия весны
спасенья нет и нету толка.
И все смириться с ним должны!

УПАЛИ СУМЕРКИ

Упали сумерки так рано.
И зимний дождь, и талый снег —
всё так обыденно и странно,
и феерически пространно
со мной беседует с экрана
разумный телечеловек.

И я, безвестная частица
пространства сумерек земных —
могу невольно причаститься,
как в сказке красная девица,
к Добру и Злу миров иных.

Но кто ответит, хорошо ли,
что всё земное не со мной,
что у меня так много воли
и Крылья Света за спиной?

ТАК ДАЛЕКО

В колючем снегу
Ногтями
Яму глубокую вырою.
Так далеко от мира я,
Так далеко от мира!
Так меня к звёздам тянет!

Улягусь в хрустальной яме,
В даль загляну небесную.

Только не звёзды —
Бесы мне,
Бешеные повесы,
Зажгут голубое пламя.

В его сиянье неверном,
При их желании капризном,
Узнаю ещё при жизни
Краски и запах тризны,
Голос адовой скверны.

ЗАБУДЬ

Забудь, где ты.
Забудь – когда.
Забудь об имени своём.

Нигде
горит твоя звезда.
Нигде
стоит твой дом.

И чьё-то имя —
звук пустой,
терзает ветер золотой.

И чьё-то сердце,
словно мяч,
пинает весело палач.

ПРИПОЖАЛОВАЛА ОСЕНЬ

Ночь. Сверчки как соловьи
распевают – не стрекочут.
Всё короче дни мои,
всё длиннее мои ночи.

Припожаловала осень —
слышу поступь непогоды.
Над горами вьюги проседь.
Всё короче мои годы.

Значит, где-то впереди
день сожмётся до минутки.

Значит где-то впереди
превратятся в Вечность сутки.

ФИАЛКА

Восковая фиалка
в аккуратном горшке.
Тень берёзовых листьев
на красном полу.

Безнадёжное что-то
в скользящей руке,
крепко сжавшей
с лиловою ниткой иглу.

Затянулась лиловая нитка
узлом —
не распутать его —
только нитку порвать.

Низко месяц крадётся
над тёмным селом.

Низко-низко,
да только рукой не достать.

ПЕСНЯ ЗОМБИ

В сером небе жемчужном
летаем. Нас много.
Наши крылья устали
в полёте недужном.

Мы, обмякшие и неживые,
всё летаем,
рисуя кривые.

А на Южном и Северном
Полюсе
выпрямляем их
в тонкие полосы.

Ах, как жаль,
что теперь мы не в голосе!

В ПОЛНОЧЬ

В полночь небо такое было —
словно море его накрыло.

Став совой, полуночной птицей,
я беззвучно пошла кружиться
меж землёю и звёздным небом —
возле тех, кто со мною не был
ни правдив и ни добр, ни весел,
кто ярлык на меня повесил,
кто прошёлся по мне ногами,
кто без умысла бросил камень...

Я над вами, я с вами, люди,
беспощадные мои судьи.

Невидимкой в ночи летая,
Я мечтаю о вашей стае.

В СИЯЮЩЕЙ БЕЗДНЕ

В сияющей бездне
сентябрьского дня,
летучие листья,
держите меня.

Плыву я по небу
среди облаков.
и не было, не было
легче оков,
чем эти воздушные
нежные крылья,
чем этот полёт
над Землёй без усилия.

Планета сегодня
отторгла меня
в сияющей бездне
сентябрьского дня.
И счастлива я,
и назад не хочу,
и силой желанья
лечу и лечу!

НАДОЕЛО!

Мне крыса ночью
песню пела —
ну, как умела.
Мы сошлись
на том,
что страшно надоела
и ей и мне
собачья жизнь!

ЧТО Ж ВЫ, АНГЕЛЫ

В этой призрачной метели,
пьяной, рьяной, вихревой,
сонмы Ангелов летели,
только крылышки свистели,
да сиял над головой
нимб у каждого живой.
В Лету канем светляками
и в метели вихревой
полетим, гремя руками,
по асфальту мостовой.
– Что ж, вы, Ангелы, в аврале
так бездарно нам наврали?
Что ж, украдкой,
подпольно,
нам конфетки раздавали,
Вы – Божественная Рать?
– Чтобы было вам не страшно
и не больно
умирать!

НЕ УСПЕЛА!

Облезлые белки на рыжей сосне.
Лиловая яблоня в гроздьях цветов.
Последние сутки буянить весне
под песни кукушек
и пёстрых дроздов.

У клёна упругое юное тело
трёхпалой листвою
прикрыто чуть-чуть.
Как много, весна, ты ещё не успела!
Но кончен зелёный и солнечный путь!

Пришедшего лета леса и поляны
укрыты цветочным июньским ковром.

Весне светлоглазой
и больно и странно
смотреть,
как темнеет листва покаянно,
смыкаясь под небом
тяжёлым шатром.

КРОШКА-ГНОМ

В темноте за глянцевым окном
ходит, бродит Новогодний Гном.
Вот прильнёт к холодному стеклу —
и в твоём жилище на полу
зацветёт Невиданный Цветок.

Гном бездомен, весел и жесток.
Ночь – его любимая пора —
прах Миров и Звёздная игра.

Ты сорвёшь Цветок Твоей Мечты —
засмеётся он из темноты.

Лепестки свернутся и умрут —
в декабре мороз трескучий крут.

Замирает сердце – за окном
всё стоит и смотрит Крошка – Гном.

ДУША ЖИВАЯ

Одна душа живая – муха,
живёт со мной, не уходя.
А впереди темно и глухо —
завеса снега и дождя.

В беззвучном белом хороводе
совсем одна, совсем одна,
поняв, что жизнь моя уходит,
замру у чёрного окна.

Шагну легко в метельный вечер,
рванусь отчаянным комком
ветрам и холоду навстречу.

Метнётся тень под потолком
обманным чёрным силуэтом.
И вдруг покажется при этом,
что жизнь и счастье впереди,
А УТРОМ, УТРОМ БУДЕТ ЛЕТО!

ФАНТОМ

Опять не спать и глохнуть в тишине
от темноты, крадущейся, как кошка,
от Космоса, пришедшего Извне,
ломающегося в самое окошко.

Всесилен Свет, но не сильнее Тьмы.
В её Громадном, Хмуром, Беспросветном
всё кажется законченным и смертным.
Что в ней глазами можем видеть мы?

Нет ничего.
И нас, упрямых, нет —
ни в Космосе,
ни в Тартаре,
ни дома.
Весь мир —
лишь удивительнейший бред
на трёх китах лежащего Фантома.

ЗА ПОДСНЕЖНИКАМИ

Зыбкий снег и пьяный ветер.
Плачут Ангелы в трубе
или брошенные дети?
Нет – безногий в лазарете
о загубленной судьбе.

Может быть и я завою,
загорю, а потом,
как с подружкой, злой Судьбою,
улечу, покинув дом.

Пьяный снег, бродяга ветер.
На душе такая гнусь!
Я вернусь с большим букетом
или вовсе не вернусь!

ПОЯС АСТЕРОИДОВ

Наш двор украсил дикий астероид —
Упал на дом. Ну, ясно – не со зла.
Но до сих пор мой дядя матом кроет
Ту крышу, что проломлена была.

Обmaterить святой небесный камень
Ему не позволяет божий страх.
Он нянькает подарочек руками,
И астероид «Астрою» пропах.

Сей камень – Знак. Мой дядя верит свято.
Вослед за камнем надо ждать гостей.
Да наплевать – пускай мы не богаты —
Зато богатым Бог не шлёт вестей!

«АСТРА» – СОРТ СИГАРЕТ

И ДЕНЬ ПРИШЁЛ

И день пришёл,
как старец под венец.
На нём верхом сидящая суббота,
сулила и предсказывала что-то,
и предсказала все же, наконец,
Что этот день,
похожий на муляж,
домчит субботу к майскому закату,
а он возьмёт
привычную оплату
купюрами убийств
и мелких краж.

Хоть впереди
ни счастья и ни зги,
но вечер недалёк и неизбежен,
и будет так загадочен и нежен,
как мускус
золотистой кабарги!

ВСЁ БЛИЖЕ

Трава, цветы и люди тоже,
свободный ветер, дождь и зной —
всё на Земле меня моложе,
и всё как будто не со мной.
Болезни, ложь, Души усталость —
в пучину этих чёрных дыр
уходит всё, что мне досталось —
меня отталкивает мир.

Всё на земле меня моложе,
и даже люди – не со мной.
Но с каждым днём.
что в мире прожит,
милее ближе и дороже
ручьи, поющие весной,
собою занятые люди,
и грохот бешеного дня,
что сердце студит
и остудит,
гоня в Прошедшее меня.

ВЫЙДУ В ПОЛЕ

Выйду в поле на лыжах —
горизонт заслоня,
стадом мамонтов рыжих
горы встретят меня.

Их дремучие космы
не редки, не густы,
золотистые сосны,
деревя да кусты.

Ох, пасутся давненько —
не денёчек, не век!
Возле ног деревенька-
крыши, прясла да снег.

Кто-то крикнет далече,
может быть, запоёт —
снеговейшко – вечер
или детство моё.

Без лыжни целиною
я на зов побегу.
За моею спиною
узкий след на снегу.

И далёк, и тревожен
гор лохматый хребет.
Кто же звал меня, кто же?
Только эхо в ответ.

ТЫ

Ты – талантливый
телёнок,
только-только из пелёнок.

Но таких, как ты,
у Бога
слишком много.

Тех,
кто лучше всех поёт,
он на рынке продаёт.

ВСТРЕЧА

Здравствуй,
хитрый истраченный Лис!

Что же ты
так безвременно лыс?

Общипали подружки меха —
загубили талант жениха!

БОГИ

Весёлые дети
везде и нигде —
по лунной дорожке,
по летней воде
бегут беззаботно.

Их мудрая Мать
всех злых и тяжёлых
отправила спать.

И в золоте лунном
с макушек до пят
купается юный
летучий отряд.

Бегут по дороге,
не зная о Зле.

Так вот они, Боги
на грешной Земле!

ДОМОВОЙ

Домовой мой, домовой!
Помолчи – ка ты, не вой!

Не зови подружек рать.
Мне семь раз не умирать.

Милый мой, не суетись —
ведь от жизни не спастись!

АХ, ЛЕТО, ЛЕТО

Ах, лето, лето!
Где ты проскакало?
Кого ласкало, плакало о ком,
покуда кошка молоко лакала
изогнутым шершавым языком?
Казалось где-то —
может, в Намангане,
пролился дождь,
прохладен и весом.
А здесь всего лишь
ехали цыгане,
и мимо жизнь катилась колесом.
Ах, лето, лето!
Где ты пробежало?
И, может быть,
совсем, совсем не зря
подол твой кошка лапою прижала
под жёлтый посвист злого сентября.

Я НЕ УМРУ

В тяжёлой зелени берёз,
в предгрозовом жару,
езде, где нет
ни роз, ни слёз —
езде
я не умру.

И если важен и красив,
как злой египетский хедив,
за мной Господь придёт-
я не умру.
Ты не умрёшь.
ОН тоже не умрёт.

БЕЛАЯ ПТИЦА

И примчится белая птица,
и укажет крылом на меня
среди дня.
И примчится чёрная птица,
и закроет мне очи
среди ночи.
И ломая пространство,
войдёт Люцифер —
встанет слева мой Князь —
Искуситель.
Но совсем незаметно
из облачных сфер
вдруг появится Ангел —
Хранитель.
И настанет мой день,
золотой мой денёк —
долгожданный,
желанный, глубокий.
Так он будет глубок,
как пожизненный срок,
потому что закончатся Сроки.

ОДИНОЧЕСТВО

Она верна своей причуде:
куда ни глянешь, там и тут
в пластмассе, глиняной посуде
семейства кактусов живут.

Их триста штук, существ колючих,
и пусть питомцы без затей —
она ругает их и учит,
как избалованных детей.

Когда тоскуя зло и глухо.
метель за окнами поёт,
она, наплакавшись на кухне,
в их окруженьи кофе пьёт.

Молчат колючие ребята.
Стучится в окна мокрый снег.
Им, неразумным, непонятно,
о чём горюет человек.

ЖЁЛТОЙ НОЧЬЮ

Жёлтой ночью, похожей на яблоко,
снег всё падал и падал, и падал.
Одинокий прохожий,
похожий на зяблика,
был владельцем единственным
жёлтого клада.

Жёлтой ночью
владельцу холодного клада
неуютно бродить до рассвета,
в освещении фонарного жёлтого света
всё в Душе развороченной
вновь перекладывать.

Ночи снежной
хватило прохожему,
чтоб дожить до утра —
а ведь это немало.
Ночь была
до последней тропинки исхожена
за простую попытку
начать всё сначала.

УТРОМ

Между сосен снегу намело.
Между сосен утро пролегло
альыми прямыми полосами.
Если вдоль по полосам бегом,
всё бежать без устали бегом,
там – за бесконечными лесами-
я ещё успею ухватить
утра исчезающую нить,
где земля столкнулась с небесами.

И тогда я в Утренней стране
на весёлом ветре-скакуне
буду вслед за солнышком лететь.
Всё легко, светло на грани дня —
полюблю я – влюбятся в меня,
и как птицы выучусь я петь.

Буду я красива и умна,
будет мне вся Родина видна —
все леса, поля и города.

Но я снова высмотрю село,
где по пояс снегу намело,
где горит над соснами звезда,
и стоит задумавшийся дом,
где всегда – и в сумерках, и днём
ждут меня и помнят обо мне.
Где меж сосен дымчатый мороз,
где сегодня утро пронеслось...

Я ВСЁ МОГЛА

Хрустальный купол утра
зажжётся – и бегом,
не женщиной премудрой —
девчонкой босиком.

И все мои печали
бледнеют в свете дня.
И все мои печали —
полюбят ли меня?

Красива ли, умна ли,
хватает ли Добра?
Я всё могла в начале —
тогда, давно, с утра.

Спускаясь к речке детства
туманной, ледяной,
я с ней бежала вместе
сторонкою родной.

Куда она пропала?
Какой-то ручеёк
и узенький, и малый
теперь скользит у ног.
И некогда подумать,
полюбят ли меня,
среди забот и шума
несущегося дня.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Сначала жизнь меня достала,
и вдоволь, исподволь,
как моль,
точила и надоедала.
И тут я ставлю дубль-бемоль.

Но форс-мажор —
и смерть оралом
вспорола озими веков.
Мой брат,
с кем в детстве я играла,
за мной следит из облаков.

И я, как лёгкая полова,
лечу к нему,
но жизнь опять
казнить и миловать готова,
и не велит мне брата звать.

ДВЕ ЗАБЫТЫХ МЫСЛИ

Как правильно и чисто
в комнате.
И две забытых мысли —
помните?
Две мысли эти —
Ваши дочери.
Вы им судьбу большую
прочили.
Из них звалась Любовью
первая.
А после стала вечной
Скверною.
Звалась вторая Доброй
самою.
Она Продажной стала
Дамою.
Покинутые Вами —
помните?
Как правильно и чисто
в комнате.

НА ЛЕСТНИЦЕ

Четыре марша вверх,
а кажется до неба.

Четыре марша вверх —
до утренней зари.

Ты там, внизу, где тень.
Ты невелик и чёрен.

Тебя накрыла тень.
И я не помню глаз.

Тебе не помашу я —
от сердца боль в руке.

Тебе не помашу я
ни здесь, ни вдалеке.

С тобою не прощаюсь —
увидимся ещё.
С тобою не прощаюсь.
Но я не помню глаз!

ПОХОЛОДАЛО

Похолодало. Топят печи.
Древесный дым прозрачно сиз.
Воронье суетное вече
галдит, летая вверх и вниз.
Не облетевшие берёзы —
последних листьев желтизна.
Вот-вот метели да морозы.
Пуста у Осени казна.
Забыты прежние замашки.
Нагая Осень – стыд и срам-
бредёт чумазой замарашкой
по мокрым рощам и дворам.
Но нет пока ещё несколько
в душе отчаянной тоски.
И взгляд её —
так смотрят только
младенцы или старики —
равно в неведеньи и вере
полны древесной чистотой —
как из библейского поверья
всесущий вечный Дух Святой.

Геннадью Панову

Издадека, издадека —
светла, хрустальна, высока
чужая музыка звучит.

Ненастье ставнями стучит.

Душа летает над горой
глухой предзимнею порой.

К закату вдруг повалит снег
и заметёт безумный век.

Вот-вот откроются Врата,
вот здесь – у мокрого куста.

Маме

Я на этой планете
Осталась одна.

Всех, кого я любила,
Погубила она.

Не стучат их сердца,
Остановлена кровь
Притяжением страшных
Магнитных миров.

Я блуждаю в безлюдье,
В безмолвии дня.

Я кричу,
Но они не находят меня.

Только эхо гудит
В зеве чёрной дыры.
Только тянут, как омут,
Иные миры.

ИГРАЙТЕ, КАК ДЕТИ

Покуда не сгинут, не схлынут
помои телесных страстей,
дотоле Небесному Сыну
распятем платить за детей.

Играйте, как дети. Живите,
не помня о завтрашнем дне,
в карающем вихре событий,
в минуту, как в Бездну летите,
сгорая и плавясь в огне
беспамятства. Это спасенье
нам послано свыше – пока
прокатятся смрадом весенним
греховные злые века.

Но дети безумны, как дети —
им хочется в Завтра. И вот
уже на подходе к планете
в анналах отмеченный год!

ТАМ

Там, за первым, высоким синим,
За серебряным хладом зимним,
Есть хрустальное
Небо дальнее,
Где летают тела астральные.
А за ним —
Золотое третье,
Где мы всех,
Кого любим, встретим.
Навсегда будем вместе с ними
За серебряным хладом зимним...

В БЕЛОМ ГИПНОЗЕ

В белом гипнозе
февральского снега,
в белом,
гибнуть так трудно
Душою и телом —
в белом.

В белом пространстве
мой сын
совершенно один-
и темно...

Боже, спаси его!
Мне не дано!

В КОСТРЕ ОСЕННЕГО РАЗЛАДА

В костре осеннего разлада,
в дыму октябрьской нищеты
мне ничего уже не надо-
ну, может быть, немного яда,
чтоб улететь от суеты.

Но жизнь бессовестно и метко
бросает новую узду-
берёзы солнечную ветку
да злых дождей живую сетку
и, обманувшись, я иду
за этой веткой запоздалой,
за голубым сияньем дня,
забыв, что времени так мало,
и нет в нём места для меня.

ТАКАЯ ТИШЬ

Такая тишь – оранжевая, злая.
С пустынных крыш
стартует дым столбом.
И ничего о жизни я не знаю,
хотя живу. Но разве дело в том?

Слоёный луч вечернего светила
с далёких круч протянется к плечу.
Мне это наваждение претило,
и время ни секунды не скостило,
но я всегда ходила по лучу.

Погаснет луч, я падаю и плачу,
а, может быть, не плачу, а смеюсь.

Сегодня я надеюсь на Удачу.
Сегодня я уже не разобьюсь

Сыну Славе

Кажется, я не выживу.
Кажется, не смогу.
Сердце телёнка рыжего
слышу в ночном снегу.

Молча он леденеет
в страшном своём хлеву.
Значит и я сумею,
сколько-то проживу.

Сердце слепого ворона
слышу ещё стучит.
Ночь не смиряя норова,
мне подаёт ключи.

Значит, открою утро,
значит увижу свет.

Может быть, это мудро.
Может быть – нет

СТРАННИК ПРОШЁЛ

Странник прошел мимо окон.
Кротким страдающим оком
в душу он мне заглянул.

Съезжившись и не дыша,
вдруг задрожала душа.

Что же прозрела она?
Путь...

СЕРЕДИНА ВОСКРЕСЕНЬЯ

Середина воскресенья,
окончанье ноября.
Вот и заберег осенний,
вот и солнце светит зря.

Еле выглянуть успеет —
провалилось, не найти.
Только звёзды с неба сеет
жёрнов Млечного Пути.

Снова сердце мягкой лапой
кошка – ночь сожмёт в игре.

Но не смей от боли плакать —
то ли будет в январе.

ТЕМНЕЕТ

Темнеет.
А ночи всё глуше.
И так тяжело, тяжело,
как будто одна я на суше —
всё вымерло, всё полегло.

И там, где когда-то сияло
пространство Зелёного Дня,
осталось так мало, мало
от прежней, весёлой, меня.

Темно за спиной – на восходе,
закат утопает во мгле.

Да что это? Где происходит?
Неужто со мной, на Земле?

Снежок над Душою кружится,
и время моё истекло.
И в сердце нацелена спица
прозрачная, словно стекло.

В НОЧНОМ ЛЕСУ

В ночном лесу стозвучным эхом
сибирский плачет соловей.
На Млечный Путь мой конь заехал.
Эй, Горбунок, лети резвей!

Я не хочу на Землю снова-
там росы больно холодны,
а зимы долги и суровы,
и мало лета и весны.
И людям дышится и спится
тревожно так и тяжело.
Их столько в землю полегло,
а сколько их туда стремится!

Я не хочу на Землю снова-
лети, подковами звеня!
Звезда – потерянное Слово —
в зелёный лес упасть готова.
Я не хочу на Землю снова!
Куда же ты везёшь меня?

КОРОМЫСЛО ВРЕМЕНИ

Коромысло Времени качнулось,
и плеснулось Время через край.
Ахнуло, аукнуло, проснулось,
завопило в голос: «Выбирай!»

Вот оно — Лохматое, Чужое —
наяву ли, образом в уме?
Я бегу, царапаюсь и вою,
утопая в прашуровой Тьме.
То ли я волчица,
то ли в стае
сумасшедших диких лебедей,
то ль кричу миллионными устами
Дьяволу продавшихся людей?

Неужели к Свету не пробиться —
навсегда Душа обречена?

Я бегу,
Покуда я – волчица.
Жарко пахнут кровью Времена.

НОЧЬ ИДЁТ

Стригущий атакующий полёт
летучей мыши.

Как быстро ночь сюда идёт,
но ты не слышишь.

Узорно чётко силуэт
покатой крыши.

Сегодня звёзд на небе нет —
летают мыши.
С тобою сердцем говорю,
но ты не слышишь.
Пятная бледную зарю,
летают мыши.

Там для тебя в разгаре дня
мой голос лишний.

Касаясь крыльями меня,
летают мыши.

ЧЕРЁМУХА

Когда это чудо свершилось —
черёмухи белая мгла
опять облаками сгустилась,
опять над землёй поплыла.

И кем были вспаханы пашни?
И кто их засеять сумел?
Когда же денёк-то вчерашний
к закату скатиться успел?

Когда же заботы и радость
оставили след на лице,
черёмуха – горькую сладость
и снег лепестков на крыльце?

МНЕ ЗАПРЕЩАЛИ

Мне запрещали
бродить по горам и долинам.
Мне говорили,
что надо бояться людей,
что человек —
это мягкая липкая глина,
и потому подневольно
он – вечный злодей.

Много прошла я с тех пор
по горам и долинам.
Я их боялась,
но я их любила —
людей!

Я и сама —
золотая и мягкая глина,
праведник, лжец
и злодей.
И святой лицедей.

В ОСЕННЕМ ПОЛЕ

В осеннем поле просторном,
Где кони паслись в отаве,
Ты голову там оставил,
Всадник Без Головы.

Ей ветер, мальчишка вздорный,
Снегом сечёт по векам.
Помнишь —
Ты был человеком,
Всадник Без Головы.

А кони, они пасутся,
Им нравится вкус отавы.
Не важно им, кто оставил,
И что.
Но под крик совы
Шарахнутся, понесутся,
Блестя окосевшим глазом.
И вдруг затоскует разом
Всадник Без головы.

ЭКЛИПТИКА

Катится Жизнь
в шоколадном трамвае.
В окнах мелькают
льнаные глаза.
Сладкие рельсы кондитера мая
Кончатся скоро,
а выйти нельзя.

Праздничный, пряничный
Фирменный китель,
Где же твоя бирюза?
Слеп да и пьян
Полоумный водитель,
И на закуску
Ушли тормоза.

Крошатся рельсы,
Куски отлетают.
Всё ошутимее крен роковой.
И Зодиак, словно хищная стая,
Кружится, кружится над головой.

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Здравствуй, розовое,
рассветное, раннее!
Снова ранила Жизнь небеса.
Истекая кровью
совсем по-бараньи,
красит небо поля и леса.

Вот и все мы
повязаны кровью-
Божий Агнец вздохнул
и замолк.
Но пока осеняемся
Божьей любовью,
к алтарю пробирается
волк.

Вот на нём уже
шкура овечья.
Божий промысел нам не постичь.
Богу – божье,
а нам – человечье.
зайцу – заячье,
хищнику – дичь!

ПТИЦА ФЕНИКС

Огонь —
золотая царица,
смертельная жрица древес!
Я – Феникс!
Я – Вещая Птица,
частица алмазных небес!

Скелет мой горелый взлетает
и падает в струи огня.

И плачет голодная стая,
которая жарит меня.

ПИНЧЕР-КРЫСОЛОВ

Утром, распятым заботою
ранней
в сонном ещё неглиже,
стая крысиных пираний
кинулась рвать и тиранить
всё, что осталось в душе...
Всё, что живое металось,
клочьями – в пропасть зеро!
Господи! Я из металла!
Господи! Я не устала
всё ещё верить в Добро.

Я позову из Синичьего, Юного,
зная целительство слов:
Где ты, мой пинчер,
окраса подлунного?
Где ты, лихой крысолов?
И раздирая
пространство латунное,
лаем ответит:
«Я – здесь, я – готов!» —
пинчер подросток
окраса подлунного,
друг мой,
охотник и крысолов!

БУДЕТ ДЕНЬ

Будет день
как в детстве длинным —
будет длиться,
длиться, длиться.
снегом сказочно-былинным
рисовать былые лица.
Сквозь узоры занавесок
детство манит следом санным
в глубь сосновых арабесок
и поёт зиме осанну.
И в санях да на Кауром
полечу я лесом хвойным,
где крадётся сумрак хмурый
и ведёт со светом войны.
Мои сани едут сами,
разметая солнца искры,
и у сосен под ногами
спят оранжевые лисы.
Чтобы вечером проснуться,
отряхнуться для охоты,
посидеть под лунным блюдцем
и бежать, припомнив что-то.

СОН

Жёлтая кровь фонаря
Красит слепой туман.
Воет собака зря —
спит её пан-меломан.

Сон его – это вой,
Жёлтая кровь над головой.
Вой этот – смертный плач,
В красном плаще палач.

Вот он поднял топор,
Вытер его о полу.
Крепко и с давних пор
Спит голова на полу.

Сон её – вой тоски,
Помоста кленовый узор,
Влепленный в край доски.

ЧИСЛО ПИ

Вечером хладным и влажным
желанья свои оскопи —
правит без жалости
миром продажным
число бесконечное Пи.

Выпав из круга однажды,
елеем себя окропи —
чтоб укротить
вековечную жажду
числа бесконечного Пи.
Ты верь в искупление свято —
и Зло, воскрешеньем маня,
тебя не утянет обратно
на круг, как слепого коня.

Тогда от полёта немея,
весёлую силу копи —
исчислить твой Дух
не посмеет
число бесконечное Пи.

МАНТРА

Там, за синими горами
Кришна в золотистом сари.
Харе Рама, Харе Рама.
Рама, Рама, Харе, Харе.

Там цветут миндаль и вишня,
Нет больных, несчастных, парий.
Харе Кришна, Харе Кришна.
Кришна, Кришна, Харе, Харе.

Кришна ищет злато Храма
Даже в варваре-корсаре.
Харе Рама, Харе Рама.
Рама, Рама, Харе, Харе.

Есть для нас и стол и крыша
В Лондоне и Амритсаре.
Харе Кришна, Харе Кришна.
Кришна, Кришна, Харе, Харе.

Мы одарены дарами,
В кураже мы и в ударе.
Харе Рама, Харе Рама.
Рама, Рама, Харе, Харе.

ПРИТЧА О ДЕСЯТИ ДЕВАХ

Пожилые сусальные бабушки
Всё мечтают о вечной любви.
Всё играют в горелки да в ладушки,
Словно мир не запачкан в крови.

В бессердечном восторге маразма
Всё поют о красе и душе.
Мир сгорает от солнечной плазмы,
Всё пропахло распадом уже.

Но в волнах нарастающих смрада
Запевает старушечий хор:
«Милый мой, жду тебя у ограды,
От любви отречься не надо —
Отопри потихоньку запор!».

БЛЮЗ

Спокойные шведы
с немывыми патлами,
в изжёванных бородах,
схожих с заплатами,
эстраду как дом
обживали старательно —
ходили, садились,
как будто трудились,
вставали зачем-то опять.

И голос тромбона
закручивал вспять
минуты,
секунды,
рога
и хвосты,
и негра,
торчащего словно цветы!

О, МОДУС ВИВЕНДИ!

Полночный тоскующий
голос метана.
Любовные песни лягушек весенних
укутаны семенем
словно сметаной.
О, модус вивенди!
О, модус вивенди!

Заря, без причуд продвигаясь
к востоку,
пожарами бредит
на утреннем стенде
и всех приголубит светло и жестоко.
О, модус вивенди!
О, модус вивенди!
И примет нас день,
но совсем не в объяття —
как братьев холодный расчётливый денди.
И будет смотреть не в глаза,
а на платье.
О, модус вивенди!
О, модус вивенди!
И только лягушки
в любовном угаре
не знают про деньги, про бредни и бренди,
плевать им на даму
в лиловом муаре.
О, модус вивенди!
О, модус вивенди!

ПОСЛЕДНИЙ ВИАДУК

День сгорел сосновой спичкой.
Значит – будет ночь.
Солнце раскалённой бричкой
с косогора – прочь.

Скрылась солнца колесница —
пала в листопад,
И сияет и дымится,
и летит закат.

Свет его над миром держит
лес железных рук —
как последняя Надежда,
старый виадук.

Словно он всех нас живее,
словно – в небо дверь.

Упадёт и заржавеет.
И проснётся Зверь

БУМЕРАНГ

Проклятой жизни
бумеранг
в руках у Дьявола,
как бита.
И столько чудищ
в нём набито,
что не спасёт
священный Ганг.

И даже Слово*
не поможет —
зверинец сделать
Храмом Божьим

ОТ БОГА

Среди камней
Безгласно-неподвижна
Я простояла
Тысячи веков.
Иисус Христос
И Магомет, и Кришна
Меня лишили
Каменных оков.

Среди деревьев
самой деревянной,
сосновой самой
долго я была.
Среди собак
Я самой окаянной
Навеки обездоленной слыла.

И, наконец, сегодня
Человеком
В мучениях и корчах
Родилась —
Принять от Бога
И от века
Любовь и Ложь,
Прощение и Грязь!

ЕЩЁ НЕ СЛЫШИТСЯ В РАССВЕТЕ

Ещё не слышится в рассвете
Печного дыма хвойный ток.
Ещё висок таит в портрете
Заветный детский завиток.

И там, в невидимом пока,
Гуляет солнце в зимних рощах,
И карамельный день полощет
В глубоком небе облака.

Но в тех же рощах и пампасах,
За всё цепляясь, всё круша,
Отчаянно и многогласо
Вопит животная душа.

Она уже готова в клочья
Порвать и весело глодать,
Жевать, урчать и жаждать ночи.
И врать.
И взять,
а не отдать.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Москитный флот идёт на Землю,
погибельная саранча,
хитиновыми рожками стуча!

В нём сонмы вирусов летучих
кишат во мгле без берегов —
распад души,
распад мозгов!

Не чуя смерти, человеки
картошку жарят на огне,
торча неделями в окне.

Не чуя смерти, человеки
твердыни строят из камней
на краешке последних дней...

АПРЕЛЬ. ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

В меха закутана по моде,
Зима волчицею прошла.
Апрель.
Звонят колокола.
Последний сон
В деревьях бродит.

А утром, изумрудно чист,
Поранит небо, словно скальпель,
Живой пахучий острый лист.

И несколько карминных капель
С небес на землю упадут,
Окрасят крыши, окна, пруд...

И двери настежь – и с петель —
Сорвёт апрель!

СИЛА ЖИЗНИ

Смертны все мы —
И гвельфы, и эльфы.
В светлый глей
И оранжевый глёт
Ляжет каждый однажды,
Когда умрёт.

Но в бессонных
Полях гекатомбы
Ужас сводит
Накожный покров.
Жертва —
Звук этот ложный
Открывает, как бритвою,
Кровь.

Протестует разъятою кожей
И из клетки изъятым ядром
Сила жизни,
Проклятая Сила —
Богом данный
Священный синдром!

ДА БУДЕТ МНЕ ПО ВЕРЕ

Да будет мне по Вере —
Берёзовой Дриадой
Языческих поверий
Летать в аллеях сада.

Оставить след кипучий
В лохматой кроне ив,
А после взмыть под тучи,
Земное позабыв.

ДРЕВО УДАЧИ

Не жалко, что жизнь коротка.
Не жалко и краткого лета.
Но больно, что сердце отпето,
и тонет в тенётах рука.

И сердце тяжёлое плачет,
и путает крылья мои.

Святой Искуситель,
отродье змеи,
дай Плод мне от Древа Удачи!

А Древо Познания
в пустыню забрось —
пусть сохнет
его ядовитая гроздь!

ТОЧКА НА КАРНИЗЕ

Вверх ногами,
Головою вниз —
Это я взлетела
На карниз.

Так велел мне мудрый Илия.

Точка на карнизе —
Это я.

В ЧАС НЕЧАЛИ ГРЯДУЩЕЙ

Словно тайные свечи в покоях княжны
Золотые соцветья весенней сосны.
И как ветер летуча, воздушна, нежна,
Молодая колдунья, лесная княжна.

Закукует кукушкой, обернётся сычом.
Мне с такою подружкой
Жизнь и смерть нипочём!
Я пополню её королевскую рать,
Стану светом кометы ночами играть.

Пусть засыплет цветами больная весна,
Но меня не оставит лесная княжна.

В час печали грядущей,
Печали земной,
В заповедные кущи
Улетим мы с княжной.

МОЛИТВА О ЖИЗНИ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Уходят званые в свой час.
И мы уйдём и всё забудем,
Огонь родства в себе остудим,
Верней, его погасят в нас.

Сотрут нам память,
пусть во благо.
Но почему, но почему
Пустая белая бумага
Противна сердцу и уму?

Оставь мне, Боже, после смерти
О сыне память – лишь о нём!
Не разлучай с её огнём!
Мне не нужны другие дети!

АДАМОВЫ ГОРОДА

Ночь. Мороз да морозный треск.
С каждым часом всё злей и круче
Ветерок подувает жгучий.
Космос. Вечность. Зима окрест.

На огромной чёрной Земле,
От крови и горя чёрной,
Городов золотые зёрна
Прорастают в Добре и Зле,
Как на Древе Познания листья.

То Адам в ледяном краю
Всё мечтает достигнуть Истин
Тех, потерянных им в Раю.

Я – ЛЕТУЧЕЕ ЖИВОТНОЕ

Я – летучее животное
поднебесное,
лишь ветрам
до облакам интересное.
Здесь никто меня не любит
и никто меня не знает.
Жизнь – ни добрая, ни злая,
но меня она погубит!
Я летаю – не живу,
Время и Пространство рву.

ЗАКАТ НА КРОВИ

День, не имеющий направленья —
просто безродный скаляр,
жжёт, дожигая остатки поленьев
и неопита футляр.
Так надоело уже
притворяться —
хочется Истины, Света,
Любви!
Но пережитое наспех и вкратце,
снова рождает Закат На Крови.
Снова война —
для героя и труса.
Головы падают,
падают с плеч!
Так понимают
буквально
Иисуса:
«Не мир я принёс вам,
но Меч!»

ПРИВЫЧКИ

Я уйду, и станет жутко
тишине пустой квартиры
из угла слоняться в угол,
слушать звяканье часов.
На исходе будут сутки.
За окном темно и сыро.
Тишина тотчас с испуга
дверь закроет на засов.
Из-за двери, из-за шторы,
из тройного зазеркалья
выйдут все мои привычки,
сядут чинно, кто куда.
И начнут привычно спорить
всё о том, как привыкали,
но теперь совсем привыкли —
и на долгие года!
Мирно, чинно, надоедно
поведут они беседу,
как всегда в бодрящем марше
дней бездумно деловых.
Ну, откуда знать им, бедным,
что когда назад приеду,
с понедельника и дальше
я решила жить без них!

ПЕРЕД ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

Какая в мире тишина!
Какое лунное молчанье!
В одеждах, сотканных из сна,
Рассвет и ночь
Летят к венчанью.

И замирает за сто вёрст
Тобой услышанное сердце.
Вдали среди туманных звёзд
Приоткрывает утро дверцу.

Оно полно до верха сном,
Зарёю алой, листопадом.
И словно амфора с вином
Благоухает спелым садом.

Подходит к утренней меже
Ночного мрака и лазури,
Оно кончается уже —
Затишье это перед Бурей!

Моему отцу посвящается

Кузнецову Максиму Степановичу

За протокою в дальнем озере
одоле~~нь~~-трава – жёлтый цвет.
Тальники вокруг, воды впрозелень,
воздух высвечен и прогрет.

Рядом тихою, тихой старицей
хвощ-болотник высок и густ,
камышей золотые палицы,
чёрно-сизой крушины куст.

Всё мне кажется – в роще таловой
старый пасечник добр и сед.
Соты режет он, мёд опаловый
преломляет полдневный свет.

Только где она, эта рощица,
добрый дедушка, вербный мёд?

Лист осенний в ветрах полощется-
старой пасеки не найдёт.

ВОТ Я БЫЛА

В Бездну летящая —
В чёрную Бездну —
Я невесомо и ярко исчезну.
Вот она – вспышка
Зелёного света.
Вот я была —
А теперь уже нету!
Всё потерявшей
в юдоли земной,
мне ли бороться
с самим Сатаной,

КРУГОМ НИ ЗГИ

Кругом ни зги – уснул Зелёный клин.
Ослепли деревянные дома.
Лишь спиртзавод не выдохся один —
Его трубой ревёт ночная тьма.

Завод ни в ночь, ни рано поутру
О песне никогда не забывает.
Над ним волною ветер завивает
Всё круче дух картошки на пару.

Там варят медицинский препарат
Или хмельное огненное зелье.

Его хозяин сказочно богат,
Ведь в зелье том – и горе, и веселье!

В МЕТЕЛИ

Такого снега не бывает,
Такого ветра не найти —
Пропали торные пути.
Одни сугробы впереди,
Да степь
Как пустошь меловая.
Столбы шагают напрямик,
Столбы в метельный сон
Уводят.
Им доверять не стоит, вроде,
Они потворствуют погоде,
Ловя и множа
Ветра крик.

Поля ожившие страшны,
Как раскачавшиеся горы —
В свои кипящие просторы
Принять готовы полстраны.
Не полстраны, а всю округу!
Просвета нет и света нет.
И мы кричим,
кричим друг другу,
но без надежды на ответ!

УТЁС «ТАТАРИН»

Качнувшийся в реку скалистый обрыв.
Солнце, ветер, тень.
Бритую голову наклонив,
Смотришь ты в долгий день.

Там, под обрывом, бушует река,
Камни катя вниз.
А у подножия греет бока
Старый корсак – лис.

Вёснам давно потерял ты счёт.
Вечен покой твой.
Пусть ураганный ветер поёт
Прямо над головой.

И потому ты не будешь знать
даже на час вперёд —
первая трещина – смерти знак —
где и когда пройдёт.

ЗАВИРУХА

Носится безумная старуха-
вздорная ночная завируха.
То кричит, незрячая, сычом,
то зацепит дерево плечом.

Космами дорогу подметая,
обещает ветру: «Я – святая!»
Но за то под окнами она
запевает вкрадчиво: «Грешна!»

А под утро вруша – завируха
засмеётся весело и глухо,
и, парик откинувши седой,
станет белоснежно молодой!

ДЫХАНЬЕМ ГОРОДОВ ОТРАВЛЕННЫ

Дыханьем городов отравлены,
берут снега Россию в плен.
Гудят столицы и окраины
от непогод и перемен.

Ах, вот уже всё переменится —
вот-вот возвысится Добро!
Там, наверху, большая мельница
всё мелет, мелет серебро.

Оно опять на Землю падает,
как сто и триста лет назад.
А в темноте под эстакадою
молчит пустой забытый сад.

А в нём насыпаны, насыпаны,
как это будет через век,
под карагачем и под липами
сухие листья, мусор, снег.

БЫЛ ЗНАК

Да, я нарушила Закон,
пойдя наперекор.
Был Знак мне, Знак
их тех Вреён,
из тех незнаемых Вреён,
из дальних-дальних гор.

Меня позвал
в летучий сон
Любви волшебный хор.
Был голос мне
из тех Вреён,
из тех незнаемых Вреён,
из дальних — дальних гор.

Но я забыла поутру
что пел полночный хор.
И мне казалось —
я умру.
И слово странное
«гуру»
блуждало в недрах гор.

МАЙСКИЙ СНЕГ

Майский снег
по живому, зелёному
Ослепительной дробью сечёт.
Травяными древесными стонами
Сад израненный в бездну влечёт.
В голубую, слепую, бездонную,
Где снега зарождаются сонные,
где и гром – тишина!
И любовь —
Как война!
Где обратно
Послушно текут времена.
Где в каком-то святом,
Очень узком кругу
Безобразный фантом
Погибает в снегу.

Не увидишь конца,
Не услышишь: «Прости!».

И черёмуха снегом
Устала цвести.

Брату Александру

У кладбища,
где горочка крутая,
где долго-долго снежники не тают,
там девочка оплакивает брата.
Ей кажется —
оттуда нет возврата,
Ей кажется —
там мёртвые рыдают.
Но это ей мерещится порою —
лишь тишина над грустною горою.
Лишь запах вод
с реки приносит ветер-
его ни с чем не спутаешь на свете.
В четыре года трудно быть сестрою,
стоять и ждать с горячими слезами,
с закрытыми от ужаса глазами,
и вдруг увидеть братову рубашку,
накинутую просто – нараспашку,
его вихор с льяными волосами.
И словно в свет ступив из темноты,
себе не веря, крикнуть: «Это ты?»
И с обожаньем обнимая брата,
спросить его: «Ну, что там, за оградой?»
В ответ услышав смелое: «Цветы!»

МАЛЬЧИК-ВЕТЕР

Кружатся голуби. Несутся облака.
Над крышами летает мальчик-ветер.
Его прозрачная холодная рука
свой путь
узорной снежной пылью метит.

Он постучится весело в окно.
Ему играть и прыгать надоело.
Его услышат, высунутся, но
увидеть не сумеют между делом.

Прислушается к шорохам зимы,
но не дождавшись звука и приветов,
вздохнёт легко, и разметав дымы,
умчится вдаль
холодный мальчик-ветер.

У КОСТРА ЗОЛОТОГО

Кружась у костра золотого,
Как будто бы пламя листая,
Звенит комариная стая,
Погибнуть и сгинуть готова.

Мянутся горячие струи,
Кидаясь то вправо, то влево.
Вот жук в ослепительной сбруе,
Вот бабочка – королева.

Луна же уйгуркою юной
Бледнеет от яркого света.
Сегодня мне главной колдуньей
Служить – костровым до рассвета.

Кружась у костра золотого,
Как будто бы пламя листая,
Вольюсь в комариную стаю,
Погибнуть и сгинуть готова!

ВРЕМЯ МЫСЛИ СОБИРАТЬ

В ярко-ярко бирюзовых
сумерках берёзовых
привидениями – совы,
лунный серпик розовый,
да мышей
летучих
рать...

Время мысли собирать!

ТОЛЬКО МЫСЛЬ

Предрассветная полумгла.
Тишина. Не качнётся лист.
Вдалеке на краю села
свет зари над Землёй повис.

Вот крадётся туман с реки,
холодит, леянит роса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.